

Юлия Беринг



# ЯГРУШКА ЖЕСТОКОГО НАСЛЕДНИКА.

Ты испортил мою картину  
и выставил счёт!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого  
наследника. Ты испортил мою  
картину и выставил счёт!**

«Автор»

2026

## **Беринг Ю.**

Игрушка жестокого наследника. Ты испортил мою картину и выставил счёт! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я приехала в элитную Академию искусств, чтобы стать реставратором. Но Марк, жестокий сын декана, намеренно толкнул меня во время практики. Кисть сорвалась, разрушив бесценную фреску.— Сто пятьдесят тысяч рублей, Алиса. Или тебя отчислят! Он хотел превратить меня в свою послушную игрушку. А потом меня обвинили в краже, лишили стипендии и выгнали из общежития. Единственным союзником оказался молчаливый архивист Илья, который хранил мой старый рисунок. Но вскоре я узнала правду. Марк знал меня с детства! Он сохранил мои рисунки и намеренно разрушал мою жизнь! Теперь я раскрою их тайны, верну своё имя и заставлю предателей заплатить. Только кому из них можно доверять?

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 8  |
| Глава 3                           | 10 |
| Глава 4                           | 13 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 14 |

# Юлия Беринг

## Игрушка жестокого наследника. Ты испортил мою картину и выставил счёт!

### Глава 1

В мастерской фресковой живописи я грела кисть в ладонях, как спичку: только бы пальцы не подвели на контрольном мазке. «Ковчег» экономил на отоплении для стипендиатов, оставляя тепло только для сыновей и дочерей тех, кто мог позвонить ректору с жалобой. Мои пальцы, сжатые вокруг деревянной ручки кисти, уже онемели и плохо слушались. Но я не могла позволить себе дрожать. Не здесь. Не сегодня.

Передо мной лежал эталонный образец — учебная реконструкция фрагмента фрески XV века, которую Марк подготовил к занятию. Моя задача была проста: нанести пигмент ультрамарина так, чтобы слой лег равномерно, без единого разрыва. Это было первое занятие выпускного курса после летних каникул, и от того, как я справлюсь, зависело, сохраню ли я место в группе или буду выметена из академии, как мусор.

Я зажмурилась, чувствуя, как ледяной воздух обжигает ноздри. «Дыши», — приказала я себе. «Ты не бедная девочка, ты профессионал».

Кончик кисти коснулся поверхности. Первый мазок дался с трудом. Прижала локоть к боку, удерживая кисть над образцом: так дрожь почти не передавалась кончику. Боль пронзила суставы пальцев, но я стиснула зубы. Успех. Краска легла ровно. Уголки губ дрогнули. Ещё один такой мазок — и пусть попробуют сказать, что я здесь зря.

— Деревянно, — раздался голос над самым ухом.

Я вздрогнула, едва не выпустив кисть. Марк стоял слишком близко. Он заслонил лампу. От его рукава пахло табаком; мне пришлось наклониться, чтобы снова видеть край мазка.

— Техника начального уровня, Алиса, — протянул он, склонив голову набок. Его глаза, серые и острые, как иглы, скользнули по моему лицу. — Ты держишь кисть, как будто боишься, что она тебя укусит. Или ты просто привыкла работать руками, а не головой?

Я выпрямилась. Очень хотелось ткнуть ему под нос кистью. Синей. Насовсем.

— Согласно учебнику Кольцова, раздел три, пункт четыре, — произнесла я сухо, не поднимая глаз, чтобы не встречаться с его взглядом. — При работе с историческими пигментами важна минимальная амплитуда движения запястья. Дрожащая рука — признак нестабильности давления, а не незнания материала. Если хотите критиковать, цитируйте источники, а не эго.

Марк усмехнулся, и по коже побежали мурашки. Я ждала, что после ответа он отойдёт, но он остался у стола. Даже голову наклонил, будто я наконец сказала что-то стоящее. Лучше бы разозлился.

— Смелое заявление для той, кто еле сводит концы с концами на стипендию, — бросил он, делая шаг назад, но не теряя контроля над ситуацией. — Посмотрим, хватит ли смелости на результат.

Он остался за моим плечом. Хотелось оглянуться, проверить, куда он смотрит, но тогда кисть дрогнет. Прижала локоть плотнее к боку. Ещё один мазок. Пусть этот высокомерный ублюдок увидит готовый слой и хоть раз подавится своей критикой.

Я набрала полный вдох, сосредоточилась на точке касания. Кисть двинулась вперед, плавно, уверенно. И в этот момент локоть Марка толкнул меня в бок.

Это выглядело случайностью. Почти небрежно. Он якобы проверял ровность слоя на соседней доске, развернулся... и толкнул локтем.

Но я знала правду. Я видела, как изменился угол его наклона за секунду до удара.  
— Осторожнее! — крикнула я, но было поздно.

От резкого толчка моя рука дернулась. Кончик кисти соскользнул с намеченной траектории и протянул рваный след по свежему слою пигмента. Синяя полоса, похожая на кровоточащую рану, перечеркнула рисунок образца.

Сзади перестали шушукаться. Кто-то втянул воздух сквозь зубы, и я вздрогнула: до этого даже не замечала, сколько людей стоит за мной. Теперь никто не отводил глаз от доски. Кому-то было страшно за меня; кто-то уже тянулся на цыпочки, чтобы получше разглядеть полосу.

Уставилась на испорченную работу. Кисть ещё можно было поднять; полосу — уже не убрать. Я мысленно потянулась к чистой тряпке и остановилась: размажу ещё сильнее. А потом вспомнила про стипендию. Без неё не останется ни этой мастерской, ни общежития. Один толчок — и всё, ради чего я сюда пробивалась, могло закончиться.

Дверь мастерской распахнулась, впуская поток теплого воздуха из коридора и фигуру декана Валентина Сергеевича — отца Марка. Он остановился на пороге, переводя взгляд с лица сына на разрушенную доску, а затем на мою руку, все еще сжимающую кисть.

— Что здесь произошло? — голос декана был мягким, но в этой мягкости таилась сталь.

Марк мгновенно преобразился. Его высокомерие испарилось, сменившись почти детской растерянностью. Он поднял руки, показывая, что ни в чем не виноват.

— Папа, я просто пытался проверить плотность грунта рядом, — сказал он, глядя на меня с сочувствием, которое вызывало тошноту. — Алиса не успела среагировать. Она... она слишком нервничала. Руки дрожали.

— Это неправда! — мой голос сорвался на визг. Я повернулась к декану, чувствуя, как горят щеки. — Он толкнул меня! Специально! Я почувствовала удар в бок!

Гул шептов в зале нарастал. Студенты переглядывались, не решаясь вмешиваться. Кто посмеет спорить с наследником деканата?

Ева, дочь ректора, сидела в первом ряду, скушаяще подпирая подбородок рукой. Она медленно поднялась, ее шелковая блузка переливалась в свете ламп.

— Декан, — начала она звонким, чистым голосом, который слышали все. — Алиса всегда была... немного неуклюжей. Говорят, в прошлом семестре она разбила два макета в классе керамики. Возможно, ей стоит более тщательно контролировать свои эмоции. А точнее — свои руки.

Ложь. Абсолютная, бесстыдная ложь. Я открыла рот, чтобы спросить, какие ещё два макета, но декан уже кивнул Еве. Никто не спросил её, где она это слышала. А мой бок после толчка болел, и одного моего слова им было мало.

Декан посмотрел на меня. В его глазах не было жалости. Только расчет.

— Этот эталон готовили для выставки. Восстановление обойдется тебе в сто пятьдесят тысяч, Алиса, — произнес он холодно. — Либо ты возмещаешь ущерб сейчас, либо мы будем вынуждены рассмотреть вопрос о твоём отчислении за нарушение техники безопасности и порчу учебного имущества.

Сумма, которую он назвал, кружилась перед глазами, как цифры в казино. Сто пятьдесят тысяч рублей. Для Марка это цена пары туфель. Для меня — вся жизнь. Вся стабильность, которую я выстраивала годами, работая ночами, отказывая себе во всем.

На пальцах засохла синяя краска. Спрятала их за спину, но тут же вытащила: получится, будто скрываю следы. Эта нелепая мысль испугала меня больше суммы. Я ничего не украла, никого не обманула — а уже прятала руки.

— У вас нет таких денег, правда? — спросил Марк тихо, подойдя ко мне вплотную. Он наклонился, и я почувствовала запах его парфюма — дорогого, навязчивого, подавляющего. — Жаль. Талант есть, а мозгов и кошелька не хватает.

Я отвернулась от него, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. Нужно было уйти. Сейчас. Пока не начала рыдать прямо здесь, на глазах у всей академии.

Положила кисть поперек палитры и схватила сумку, чуть не сбив стопку банок с растворителем, и быстрым шагом направилась к выходу. Ноги были ватными, пол качался под ними, хотя он был идеально ровным мрамором.

В коридоре было пусто и гулко. До лестничного пролета добралась почти бегом. Там привалилась спиной к холодной стене. Соскользнула вниз, обхватив колени руками. Тишина давила сильнее, чем шум зала.

## Глава 2

— Ты дрожишь.

Голос принадлежал не Марку. Подняла глаза: передо мной стоял Илья из группы консервации. Обычно я замечала его у архивных стеллажей — склонённую голову, папку под мышкой, и снова пустой проход. Сейчас он никуда не спешил. Его темные волосы спадали на лоб, а в руках он держал свою куртку — тяжелую, шерстяную, пахнущую пылью старых книг и морозом.

— Тебе нужно согреться, — сказал он просто, протягивая ткань.

Я посмотрела на куртку, потом на его спокойное лицо. Жалость. Самая презренная вещь в мире. Особенно когда она исходит от того, кто тоже находится на дне социальной иерархии «Ковчега», пусть и по другой причине.

— Мне не нужна твоя жалость, Илья, — процедила я сквозь зубы, не двигаясь с места. — Иди в свой архив. Там тебе место.

Илья чуть прищурился. Куртку не убрал, но и ко мне больше не потянулся. Я уже приготовила следующую гадость, а сказать её оказалось не на что.

— Это не жалость. Это здравый смысл. Ты можешь простудиться и потерять способность работать. А тебе нужно доказывать свою невиновность.

— Я не собираюсь ничего доказывать, — соврала я, хотя внутри всё кричало от бессилия. — Я ухожу.

Попыталась встать, опираясь о стену. На полпути колени подогнулись, перед глазами поплыли ступени. Илья сделал шаг вперед, протягивая руку, чтобы поддержать меня.

Не дотронувшись. Просто предложив опору.

— Отвали, — злобно шикнула я, оттолкнув его руку. — Я сама.

Илья пожал плечами, не настаивая. Он оставил куртку на полу рядом со мной и развернулся, уходя вглубь коридора. Его шаги затихли, оставив меня наедине с холодом и унижением.

Хотелось швырнуть эту мерзкую тряпку ему вслед. Вместо этого я придвинула её к себе и сунула руки в ещё тёплую подкладку. Хоть бы Илья не вернулся и не увидел. Закуталась плотнее; зубы наконец перестали стучать, и можно было сжать губы, удерживая плач.

Шаги за моей спиной были медленными, размеренными. Я не обернулась. Я знала, кто это.

Марк остановился в двух шагах от меня. Он не говорил ни слова. Просто стоял, наслаждаясь моим видом — девушки, свернувшейся калачиком на холодном полу, завернутой в чужую куртку, с пятнами краски на лице.

— Знаешь, что самое интересное? — наконец произнес он. Его голос был низким, задумчивым.

Я подняла на него глаза, ожидая насмешки. Но в его взгляде не было торжества. Там было что-то другое. Холодный, научный интерес. Как у энтомолога, изучающего редкого жука.

— Твои руки помнят то, чего не знает голова, — сказал Марк, медленно подходя ближе. Он присел на корточки, чтобы быть со мной на одном уровне. — Ты не просто смазала краску. Ты повторила ошибку мастера XV века, которого я изучал три года. Тот же нажим, тот же угол входа кисти. Это... интересно.

Я замерла. Слова застряли в горле.

— Ты не хочешь уничтожить меня, — прошептала я, понимая вдруг страшную правду. Марк усмехнулся. Эта улыбка была опаснее любой угрозы.

— Зачем уничтожать то, что можно заставить работать на себя? — он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги и положил его на пол между нами. — Ты дума-

ешь, я хотел увидеть, как ты сломаешься? Нет, Алиса. Я хотел увидеть, насколько ты крепка. И ты оказалась... разочаровывающе стойкой.

Он встал, отряхнув брюки, и посмотрел на меня сверху вниз.

— Но цена твоего понимания высока.

Я взяла бумагу. Это было требование возместить ущерб. Сумма была смешной для него и смертельной для меня. Подпись декана красовалась внизу, свежая, еще влажная.

Подняла глаза на Марка. Он всё ещё стоял рядом, и от запаха его парфюма мутило. Придержала требование за чистый угол: только отпечатков краски на подписи декана мне не хватало.

Он не прощал. Он собирал коллекцию моих ошибок.

На следующее утро Марк дал мне три дня. Постучал ручкой по требованию деканата, словно уже ставил отметку о просрочке. Его голос был сухим, лишенным всякого сочувствия, когда он произнес эту фразу, глядя на размазанное пятно поперек эталонной фрески — моей вины в жидком гипсе и пигменте.

— Ты думаешь, искусство можно мыть половой тряпкой? — спросил он, даже не поднимая глаз от своих записей. — Или перебирать пыльные архивы? Мне нужны деньги, Алиса. Реальные. Не твои обещания и не твой жалкий труд, который стоит дешевле воздуха в этой комнате. Три дня, или деканат получит докладную о том, что стипендиатка-«самоучка» уничтожила национальное достояние ради собственного самоутверждения.

Я стояла перед ним, чувствуя, как холодный пот стекает между лопаток. Мои руки, привыкшие к краскам и кистям, сейчас дрожали так сильно, что я спрятала их в карманы худи. В голове крутилась одна мысль: «продать всё». Телефон, наушники, ту самую старую гитару, которую мне подарил дед. Но этого никогда бы не хватило на сумму, которую он назвал шепотом, чтобы не услышали другие студенты.

Выходя из мастерской, я наткнулась на Еву. Она сидела на подоконнике, болтая ногами в дорогих ботинках. Увидела меня и улыбнулась, не спрыгивая: придется слушать её снизу вверх. У меня свело челюсть.

— Слышала, ты теперь должница «золотого мальчика»? — её голос был сладким, как прогорклое масло. — Знаешь, если признаешься курсу, что сделала это специально, чтобы привлечь его внимание... возможно, я смогу замолвить за тебя словечко. А может, просто выкуплю твой долг. За одну услугу. Публичное унижение. Ты ведь любишь быть в центре внимания, правда?

Я промолчала. Стоило ответить — она сняла бы мой срыв на телефон. Я затянула лямку сумки и прошла мимо. Ева пожала плечами, словно отвергла мусор, и исчезла в толпе.

Вечером я поняла, что загнана в угол. Звонки в благотворительные фонды дали лишь вежливые отказы. Продажа личных вещей в интернете заняла бы недели, а до срока оставались три дня. И тогда родилась безумная идея. Если я не могу заплатить деньгами, я заплачу работой. Я должна восстановить эталон сама. Прямо здесь, тайно, используя технику Марка. Нужно было понять, как он смешивает связующие вещества, какие пигменты использует для нужного оттенка синего. Ответы хранились в закрытом архиве реставраторов.

Ночь в академии пахла сыростью и старой бумагой. Ключ от служебного входа я стащила у вахтера, пока он засмотрелся на телевизор. Сердце колотилось где-то в горле, отдавая эхом в пустых коридорах. Архив был темным лабиринтом стеллажей, скрытых от посторонних глаз.

Я уже почти добралась до нужного раздела, когда свет фонарика выхватил из мрака чужую фигуру.

## Глава 3

— Шорохи ночью привлекают крыс, — раздался низкий, спокойный голос.

Илья. Он сидел прямо на полу среди свитков, окруженный инструментами консервации. Капюшон закрывал его лоб, и я подняла фонарик выше. Илья следил за лучом, не шурясь. Слишком спокойно для человека, которого застали здесь ночью. Я стиснула ключ в кармане: только бы он не вздумал спросить, как я вошла.

— Что ты здесь делаешь? — прошипела я, инстинктивно отступая назад.

— То же, что и ты. спасаю свою шкуру. Или лучше сказать — спасаю искусство? — он поднялся, и я увидела, что в руках он держал поврежденную рукопись. — Ты хочешь украсть секрет его техники, чтобы исправить ошибку. Наивно.

— Отвали! — рывкнула я, чувствуя, как страх сменяется яростью. — Тебя это не касается.

— Касается. Потому что если ты испортишь работу ещё сильнее, проверят всех, кто был здесь ночью. И меня тоже. — Илья шагнул ближе, и запах растворителя, резкий и химический, ударил мне в нос. — Уйдем отсюда. Сейчас. Охранник патрулирует через десять минут.

Мы выбежали из архива и укрылись в нише. Я успела вернуть ключ на крючок у вахты, пока телевизор ещё работал. Дыхание сбилось, сердце грозило выпрыгнуть из груди. Илья смотрел на меня пристально, изучающе.

— Почему ты так цепляешься за это место? — вдруг спросил он тихо. — Это всего лишь учеба. Ты готова рисковать свободой ради оценки?

Я отвела взгляд. Правда была слишком личной, слишком стыдной. Семья, долги, надежда на будущее, которое могло рухнуть от одного неверного шага.

— Это не твоё дело, — отрезала я.

Илья усмехнулся, но без злости.

— Ладно. Тогда слушай внимательно. Тот пигмент, который ты пыталась подобрать сегодня днем. Ты ошиблась в пропорции льняного масла. Слишком много жира — фреска пожелтеет через месяц. Если ты вернешься туда и смешаешь его неправильно снова, Марк убьет тебя морально еще до деканата.

Он знал. Откуда? Я сегодня никому не показывала пробу. Отступила на полшага, убирая сумку себе за спину: в ней лежали записи пропорций.

— Видел пробу у тебя на столе, — сказал он и протянул мне маленький флакончик с прозрачной жидкостью.

— Связующее для пробного образца. Пропорции на этикетке. Сначала проверь на отдельном участке.

Взяла флакон, задев его пальцы. Не сразу отняла руку — спохватилась, только когда Илья отпустил стекло. Наклонила этикетку к свету, стараясь не смотреть на него. Пропорции были записаны разборчиво. Он мог мне помочь. И всё равно хотелось спросить, зачем он разглядывал мой стол.

К утру я едва держалась на ногах. Мы всю ночь работали в подвале общежития, где я пряталась, повторяя поврежденный участок на небольшой загрунтованной доске, чтобы показать результат Марку. Илья молча передавал мне инструменты, иногда поправлял угол кисти. Когда он наклонялся к доске, наши плечи соприкасались. Можно было отодвинуть табурет. Я каждый раз вспоминала об этом слишком поздно — уже после того, как он возвращался на своё место.

Когда мы пришли на лекцию, я чувствовала себя выжатой лимоном, но одновременно воодушевленной. Работа получилась чистой. Идеальной.

Но Ева уже дежурила.

— А вот и наша героиня, — громко объявила она, привлекая внимание преподавателя. — Алиса, расскажи классу, откуда у тебя такие навыки? Ты ведь раньше не умела работать с историческими пигментами. Может, кто-то делал за тебя домашнее задание? Или ты просто скопировала чужую методику?

Лекционный зал замер. Взгляды скрестились на мне, острые, как иглы. Преподаватель нахмурился.

— Покажите процесс работы, студентка Вересова. Если это плагиат, вас ждет исключение.

Я посмотрела на Илью. Он сидел в последнем ряду, спрятавшись за капюшоном, и едва заметно покачал головой. «Не выдавай меня», читалось в его глазах. Если я скажу правду, нас обоих обвинят в несанкционированном доступе к материалам. Если совру — рискну быть пойманной на лжи.

Сказать «мне помогли» при Еве? После ночи, которую я сама просидела над доской? Я вцепилась в край стола. Да, связующее принёс Илья. Но мазки были мои. И его имя я им не отдам.

— Я запомнила технику Марка, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я наблюдала за ним каждый день. Это моя собственная работа.

Марк, сидящий сбоку, медленно повернул голову. Его глаза сузились, и я едва удержалась от желания что-нибудь добавить. Объяснить. Оправдаться. Вместо этого повернула пробу к преподавателю: пусть смотрит на слой, а не на Еву.

После лекции меня вызвали в кабинет.

Марк стоял у окна, спиной ко мне. Комната пахла кофе и дорогой парфюмерией.

— Закрой дверь, — приказал он.

Я выполнила, чувствуя, как спина напрягается от ожидания удара.

— Работа хорошая, — начал он, оборачиваясь. В его руках был мой пробный образец. — Слишком хорошая для девушки, которая вчера не могла отличить синтетический акрил от темперы.

— Я учусь быстро, — ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Марк подошел ближе. От доски пахло составом, который принес Илья. Марк наклонился к пробе, принюхался, как собака, и его губы искривились в опасной улыбке.

— Ты врешь мне, Алиса. Я чувствую запах предательства. Или дружбы? Разницы нет. Кто помог тебе? Назови имя.

— Никто. Я работала одна.

Марк резко схватил меня за запястье, сжимая до боли. Боль вспыхнула белым пятном перед глазами.

— Послушай меня внимательно, — прошипел он, нависая надо мной. — Мне все равно, кого ты прикрываешь. Но если я узнаю, что ты нарушила правила доступа к архиву... я найду этого человека. И я уничтожу его быстрее, чем тебя. Ты поняла?

— Да, — выдохнула я, пытаюсь высвободить руку.

Он отпустил меня, будто обжегшись.

— Иди. Пробу принимаю. Долг останется, пока не восстановишь сам образец. И это только начало.

За дверью кабинета остановилась, чтобы перевести дыхание. Запястье болело; я спрятала его в рукав и только тогда смогла идти дальше. Пробу он принял. И имени Ильи не услышал. Очень хотелось сейчас найти его и сказать про первое, умолчав про второе.

Возвращаясь в общежитие, я ожидала увидеть обычную дверь своей комнаты. Вместо этого там висел желтый конверт с печатью администрации.

«В связи с поступившими анонимными жалобами на нарушение регламента доступа к учебным материалам и подозрением в краже интеллектуальной собственности, студентка Алиса Вересова отстранена от всех практических занятий до выяснения обстоятельств».

Прочитала ещё раз. «От всех практических занятий». Как я теперь восстанавливаю образец Марка? Утром покажу требование, скажу, что сам декан велел... Но внизу уже стояла печать той же администрации. Кто-то написал жалобу. Если Ева — сколько она знала про архив?

Я сползла по стене, прижимая бумагу к груди, чувствуя, как слезы жгут глаза. Бессилие накрыло меня волной, тяжелой и холодной. Стипендия под угрозой. Карьера разрушена.

— Подними голову.

Голос был тихим, но твердым. Илья стоял напротив, прислонившись к стене. На его лице не было удивления. Только холодная решимость.

— Ты знал? — прошептала я.

— Я знал, что Ева напишет. Она не умеет ждать.

— И ты ничего не сделал?!

— Я сделал кое-что лучше. — Илья достал из кармана сложенный лист бумаги и протянул мне. — Читай.

Это было уведомление для него. Аналогичное. «Отстранен от занятий».

— Ты... ты тоже? Зачем?

— Чтобы мы были в одной лодке, Алиса. — Он посмотрел мне прямо в глаза, и в них плясали чертики безумства и верности. — Я написал, что принес материалы для пробы. Это правда. Ночной доступ все равно придется объяснять, но кражи не было. Теперь разбирательство общее.

Перечитала его уведомление. Та же формулировка, что в моём. Я ночью готова была сбежать из архива, лишь бы не попасться, а он сам написал на себя. Зачем? Теперь ведь и его не пустят к работе.

— Почему? — спросила я. Бумага зашуршала в пальцах; я ослабила хватку, чтобы не порвать чужой приказ.

Илья не ответил словами. Он достал из кармана старый, потертый ключ от служебного входа в архив безопасности.

— Завтра попробуем получить доступ к журналам. У нас еще два дня до срока Марка. Нужно доказать, что мы не воровали, — сказал он, вкладывая ключ в мою ладонь. Его пальцы были теплыми, живыми.

Свет в коридоре мигнул. За поворотом удалялись шаги вахтера, и я накрыла ключ второй ладонью. Вчерашний я вернула. Этот мне предлагали оставить до утра — и завтра снова войти туда, куда нас не пустят. Я подняла глаза на Илью. Ключ всё ещё лежал у меня в руке.

## Глава 4

В столовой «Ковчега» раздавали тушёнку. Я взяла самую дешёвую порцию и выбрала стол подальше от Евы.

Я сидела спиной к окну, стараясь дышать ровно, чтобы не задохнуться от собственной ярости. Передо мной остывала тарелка с гречкой, которую я даже не тронула. Вокруг — шум, звон приборов, смех тех, кто ещё не потерял стипендию. Тех, кого сегодня пустят на практику. Мой пропуск туда уже заблокировали; даже поесть спокойно, похоже, не дадут.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.